

Константин Бальмонт

ГАМАЮН

Избранные стихи

РАЙСКИЕ ПТИЦЫ

На Макарийских островах,
Куда не смотрят наши страны,
Куда не входят Смерть и Страх,
И не доходят великаны, –

На Макарийских островах
Живут без горя человеки,
Там в изумрудных берегах
Текут пурпуровые реки.

Там камни ценные цветут,
Там все в цветеньи вечно юном,
Там птицы райские живут,
Волшебный Сирии с Гамаюном.

И если слышим мы во сне
Напев, который многолирен,
В тот час, в блаженной той стране,
Поет о счастья светлый Сирин.

И если звоном нежных струн
Ты убаюкан, засыпая,
Так это птица Гамаюн
Поет в безвестном, голубая.

ЗОВ

Я оваян дыханьями многих морей,
Я склонялся над срывами гор,
Я молился ветрам: «О, скорее, скорей!»,
Я во всем уходил на простор.

Я не знаю цепей, я не ведаю слов
Возбранить чьи б то ни было сны,
Я для злейших врагов не хотел бы оков,
А желал бы улыбки весны.

Я не знаю тоски, я сильнее скорбей
На разгульном пиру бытия,
Я овеван дыханьями вольных морей,
Будьте вольными, братья, как я!

ЗЛАТОЙ ТКАЧ

У тебя венец златой,
У тебя в глазах – лазурь.
Над глубокою водой
Ты дышал рождением бурь.

У тебя венец златой,
Очи – светлый изумруд.
В сердце – пламень молодой,
В мыслях – горлицы поют.

Нашей Утренней Звездой,
Нашим Солнцем ты рожден.
У тебя венец златой,
А в очах – мудреный сон.

К нам Вечернею Звездой,
К нам Луною ты введен.
У тебя венец златой,
Вкруг тебя не молкнет звон.

Светлый лук возьми – и стой,
Сердце каждого – как лань.
Ты стрелою золотой,
Ты стрелой певучей – рань.

Будь нам Утренней Звездой,
Солнцем жги, и Солнцем встань.
Всем нам нужен ткач златой,
Чтоб соткать златую ткань.

У тебя венец златой,
У тебя в очах – намек.
Над Землей и над Водой
Ты поставил свой станок.

СВИРЕЛЬНИК

Он Пророк и он Провидец, он Свирельник и Певец,
Он испил священной крови из раскрывшихся сердец.

Он отведал меда мыслей, что как вишеные цветы,
Что как яблоня светились и желаньем сердце жгли.

В белом свете, в алом цвете, в синем, в желто-золотом,
Был он в радугах вселенских освещен Огнем и Льдом.

Заглянул он в голубую опрокинутость зеркал,
Слышал шепоты столетий и нашел, чего искал.

Семиствольную цевницу он вознес, поет свирель,
Вековую он гробницу превращает в колыбель.

Торопитесь, насладитесь полнопевною волной,
Нарядитесь, освятитесь Морем, Солнцем, и Луной.

В стройном хоре дышит Море, в круге – блески всех светил,
Прикоснитесь в разговоре к собеседованью Сил.

ГУСЛЯР

Невеликая обида,
Если кто меня не хвалит,
У меня зато есть гусли,
И в душе поет смычок.
Эти гусли – от Давида,
И уж раз ладыя отчалит,
Сам не ведаю, вернусь ли,
Бог уводит мой челнок.

Звонки в сердце голубином
Зовы горлиц, их журчанье,
Стройно ангельское пенье,
Я уверовал в себя.
Дух владеет Божьим сыном,
В каждом цветике – вещанье.
А меня несет течение
Там, где весны ждут, любя.

Так и ждут и не проходят,
От Апреля и до Мая,
Чуть посмотрятся в Июне,
И опять глядят в Апрель.
И цветочно звоны бродят,

Перекличка голубая,
Словно в птице Гамаюне
Разыгралася свирель.

Разблажились и гуторят,
Словно море Морю вторят,
Разыгравшиеся гусли,
От цветка к цветочку вздох.
И не ссорятся, не вздорят,
Лишь в любви любовью спорят,
Я уплыл в напев, – вернусь ли,
Это ведает лишь Бог.

ВОЛХ

Мы Славяне – дети Волха, а отец его – Словен,
Мы всегда как будто те же, но познали смысл измен.

Прадед наш, Словен могучий, победительный был змей,
Змейно стелется ковыль наш в неоглядности степей.

Волх Всеславич, многоликий, оборачиваться мог,
Волхом рыскал, был он сокол, тур был красный, златорог.

Солнцеликий, змеегибкий, бесомудрый, чародей,
Он от женщины красивой нас родил, крылатых змей.

Сам от женщины красивой и от змея был рожден,
Так гласит об этом голос отдалившихся времен.

Молода княжна гуляла, расцветал весенний сад,
С камня змей скочил незапно, изумрудный светит взгляд.

Вьется лентой переливной, прикоснулся белых ног,
Льнет к чулочiku шелкову, бьет сафьянный башмачок.

Белизну ноги ласкает, затуманил, опьянил.
И содвинулись недели, Волх рожден прекрасной был.

Сине Море сколебалось, пошатнулась глубяна,
С Солнцем красным в Небе вместе закраснелася Луна.

И от рыб по Морю тучи серебристые пошли,
И летели птицы в Небе, словно дым стоял вдали.

Скрылись туры и олени за громадой синих гор,
Зайцы, волки, и медведи все тревожатся с тех пор.

И протяжно на озерах кличет стая лебедей,

Ибо Волх родился в мире, сокол, волк он, тур, и змей.

Оттого в степи и в чащах зверь нам радость, не беда,
И змеею наша песня длится, тянется всегда.

Оттого и вещей Волхов именит среди стихий,
Чародеем он зовется, вековой речной наш змий.

И по суше, и по Морю, всюду в мире, далеко,
Прозвучит в столетьях песня про богатого Садко.

СЕВЕРНЫЕ

Мы поем о Скандинавах. Точно, смелы Скандинавы.
Много грабили, все к Югу шли они от белых льдов.
И на Западе далеком свет нашли широкой славы,
Предвосхитили Колумба за четыреста годов.

Меж таких пределов разных, как глухое Заонежье
И Атлантика с Винландом, светлый Киев и Царьград,
Чайки Норги пролетели лабиринты побережья,
И о викинггах доныне волны моря говорят.

Даже в эту современность, Скальд седой и величавый
Опрокинул все оплоты мелкомыслящих людей,
Показал, припомнив древность, что не меркнут Скандинавы,
Башня Сольнеса надменна, Майя – в зареве страстей.

Гордым воронам – хваленье. Скандинавам память наша
Вознесет охотно песню, светел Один, мощен Тор.
Но да вспенится разгульно и еще другая чаша,
В честь Славян, и в честь Перуна, знавших, знающих простор.

Разметать чужие риги, растоптать чужие гумны
Люди Севера умели, как и мы, пьянясь бедой.
Но пред ними ль будут падать – Тайновидец наш безумный,
И кудесник Русской речи, Песнопевец наш золотой!

Прикоснувшись к Преступленью, мы раздвинули границы,
Перебросив дерзновенье до истоков Божества.
Мы в степях бежим как кони, мы в степях летим как птицы,
Посягнувши, посягаем, знаем вещие слова.

И любиться, целоваться кто умеет, как Ярило?
В благородстве и в размахе превзошел ли кто Илью?
Честь и слава Скандинавам! Да шумит в морях ветрило!
Честь Славянам! Пью за Север, пью за Родину мою!

ДВА ШЕСТИКРЫЛЫХ

Я сижу и я гляжу
На великую межу.
Справа – поле, слева – лес,
Много тут и там чудес.

Я гляжу. А за спиной
Шестикрылый Неземной.
Не один стоит, их два.
И растет, поет трава.

Тот, направо, светлый он,
Словно день воспламенен.
А другой еще светлей,
Как пожар среди ночей.

И один – хорош как тишь,
Как загрезивший камыш.
У другого же глаза –
Грозовая бирюза.

И один – светло поет.
Как напевность тихих вод.
А другой – молчит, молчит,
И как к битве закричит.

И один крылом взмахнет,
Шестикратностью блеснет,
И мгновенно для очей –
Годовых три сотни дней.

И другой крылом взмахнет,
Шестимолнийно сверкнет,
И внезапно для очей –
Триста огненных ночей.

Справа поле, слева лес,
Живо поле, лес воскрес.
Светел день, и ночь светла,
Богу вечному хвала.

ВЕНЧАННЫЕ

В саду проходит юный,
С ним рядом молодая.
В ветвях звенят им струны,

Ручей, с камней спадая,
Поет, поет, поет,
В цветах им светлый мед.
Невеста – Полночь Мая,
Жених, он кто? Узнай.
Он День, а, может, Май?

На нем одежды красны,
На ней одежды черны.
Но оба так согласны,
Взаимности покорны.
Целует он ее,
«Ты все, ты все мое».
Ее мечты узорны,
Как бриллиант она
В оправе черной сна.

Жених – светловолосый,
Глаза его – зелены,
У ней же черны косы,
Глаза ее – затоны,
В них светлая печаль,
Прозрачней, чем хрусталь.
В саду проходят звоны,
Поют цветы, дыша:
«Влюбленность хороша».

Весь Май процеловались,
В Июнь зашли, не зная,
Заря с зарей встречались,
Любовников встречая.
И свет вошел во тьму,
И все отдав ему,
Бледнея, Полночь Мая
С Июньским нежным днем
Растаяла огнем.

РАССВЕТ

С первым птичьим криком Ночь сломалась,
Зеркало хрустальное разбилось,
Травы зашептались, чуть шурша.
В озере все Небо отражалось,
Полночь в безглагольном отразилась,
Тихая, в безгласном задержалась,
Капли звезд из звездного ковша.

Но рука незримая качнулась,
Звездное качнула коромысло,

Капля с Неба свеялась к Земле,
И одна былинка шевельнулась,
Изменив серебряные числа,
Вся сребристая в числах пошатнулась,
Птицу разбудив в росистой мгле.

Вскликнула, и с легким этим свистом
Целый замок рушился молчанья,
И раздался всюду тонкий звон.
Птичий хор напевом голосистым
Двинул звуковые колебанья,
Шевельнул затоном серебристым,
И румянец бросил в небосклон.

ТЕНЬ-РЕКА

Под густыми под кустами протекает Тень-Река,
Ты побудь над ней ночами, в час как тают облака,
Загляни в нее очами, – в чем, спроси, твоя тоска.

Оттого ль, что вот, взглянувши, ты увидел свой двойник?
Оттого ль, что птица ночи, промелькнув, послала крик?
Оттого ли плачут очи, что, дрожа, шуршит тростник?

Отодвинься, – отраженье отодвинулось в воде,
Опрокинься, – и стремленье не к воде ушло, к звезде,
Разуверься, – птица ночи есть везде и все ж нигде.

Промелькнув над Тень-Рекою черно-бархатным крылом,
В гости к Солнцу улетела птица тьмы ночным путем,
Чтоб позвать к нам птицу-пламя и сменить печаль огнем.

И казавшийся зловещим расшуршавшийся тростник,
Под опаловой росой, как под ласкою поник,
Перед ним в воде трепещет ожемчуженный двойник.

За дневною Тень-Рекою тьма ночная далека,
Все ночное будь хоть вдвое, а растают облака,
И под Солнцем, как червонцем, золотится Тень-Река.

ЧЕРЕЗ ВЕКА

Я буду жить века, и обливаться кровью,
Чтоб ведать первый миг, с распаханною новью.

И я сквозь стон пройду, оплоты гор дробя,

Но я во тьме времен всегда найду тебя,

Я засвечусь в веках, поющей песни, кровью,
Земля-вдова, вздохнув, возлюбит долю вдовью.

И Солнце, бог ее, супруг давнишних дней,
Сквозь песнь мою опять прижмется страстно к ней.

Я расцвету века коралловою кровью,
Пороги проплыву, легко скользну к низовью.

И победив ущерб, как лунная ладья,
Ты вновь ко мне придешь и скажешь: «Я твоя».

ПОДРУГА

У меня была подруга,
Место выбрала близ луга,
Там построила домик,
Очень светлый теремок.

Хмелем дверь свою укрыла,
И, хмелея, говорила:
«Приходи ко мне, дружок,
В мой веселый теремок».

Луг был ярче изумруда,
Свет к нам нежный шел оттуда,
И от вишен шел снежок,
И с подругой был дружок.

Тонкий бисер нанизался,
Пояс легкий развязался,
И упали жемчуга
В изумленные луга.

ПОСЛАНИЕ К ГОЛУБИЦЕ

Уж ты птица голубица
Нежна горлица моя!
Ты предивная страница
В благовестии бытия!
Ты пресветлая картина
Между всех живых картин!
Ты слиянье воедино
Всех созвездий и вершин!

Ты открывшая мне дверцу
В наш волшебный теремок!
Ты явившаяся сердцу
Как божественный намек!
Ты явившаяся взору
Как живой родник в пути!
Ты возведшая на гору,
Нам с которой не сойти!
Ты проведшая чрез реки,
На высокое крыльцо!
Подарившая навеки
Звездотканное кольцо!
К голубице – голубочек,
Благовонная камедь!
Исписался весь листочек,
Не сумел тебя воспеть!

СОН

Меня сон не берет,
Из ума мой мил нейдет.
Где то он? Уж темно.
Месяц смотрится в окно.
Где то он? Где то он?
Приходи ко мне хоть сон.

А сон соскользнул,
На ресницы мне дохнул,
Пошептал – приведу,
Засвечу твою звезду.
Где то он? Где то он?
Разморил меня мой сон.

Гляжу, не гляжу,
Вся как пьяная лежу.
Звезды, что ль, в цветах горят?
Это горница иль сад?
Это он! Это он!
Ах как светит Небосклон!

ОТ ЗОРЬ К ЗОРЯМ

В час, как в звонах, и светло,
Солнце в первый раз вошло,
Чудо-Древо возросло.

Свод листвы его широк,
Каждый новый день – цветок,
Ал – расцвет, но краток – срок.

В час, как Солнце в первый раз
Засветилося для нас,
Вспыхнул мрак, и вновь погас,

И от света отойдя,
Тучей стал, гнездом дождя,
Бродит, небо бороздя.

Ходит, бродит, часа ждет,
Сеет дождь, и сыплет лед,
Снегом доли обоймет.

Но, рассыпав снег и град,
Дождевой сплетя наряд,
Мрак уходит в пышный сад.

Сад – Закат, цветок – Восток,
В каждой зоре – уголек.
Вечен свежих зорь поток.

Зори к зорям – берега,
Изумруд морей – луга,
Дождь – живые жемчуга.

Лед – сияющий алмаз,
Снег – опал, пуховый час,
Зори – в зори вводят нас.

МЕСТО МОЕ

Место мое – на пороге мгновенья,
Дело мое – непрерывное пенье,
Сердце мое – из огня,
Люди, любите меня.

Счастье мое – в светловзорной измене,
Сказка моя – и в глубинах, и в пене,
Голос мой манит, звеня,
Звезды, любите меня.

* * *

Мне снятся караваны,
Моря и небосвод,
Подводные вулканы
С игрой горячих вод.

Воздушные пространства,
Где не было людей,
Игра непостоянства
На пиршестве страстей.

Чудовищная тина
Среди болотной тьмы,
Могильная лавина
Губительной чумы.

Мне снится, что змеится
И что бежит в простор,
Что хочет измениться –
Всему наперекор.

МОЯ ДУША

Моя душа оазис голубой,
Средь бледных душ других людей, бессильных.
Роскошный сон ниспослан мне судьбой,
Среди пустынь, томительных и пыльных.

Везде пески. Свистя, бежит самум.
Лазурь небес укрылася в туманы.
Но слышу я желанный звон и шум,
Ко мне сквозь мглу подходят караваны.

Веселые, раскинулись на миг,
Пришли, ушли, до нового свиданья,
В своей душе лелеют мой двойник,
Моей мечты воздушной очертанья.

И вновь один, я вновь живу собой,
Мне снится радость вечно молодая.
Моя душа оазис голубой,
Мои мечты цветут, не отцветая.

ОСТРОВ

Остров сделай из себя,
Остров голубой.

И мгновенье не дробя,
Будь самим собой.

Мир людей – толпа акул,
Это – вражий стан.
Вбрось свой разум в мерный гул,
Слушай Океан.

Помни: даже и Потоп
Бережет ковчег.
Жизнь людей – безмерный гроб,
Стань на тихий берег.

Меж тобою и людьми
Пусть поют моря.
Эту долю ты возьми,
С Богом говоря.

Не покинет луч тебя,
Будет сон с тобой.
Остров сделай из себя,
Остров голубой.

МОЙ ДОМ

Я себе построил дом посреди дубравы.
Посадил вокруг него шелковые травы.
И серебряным его окружил я тыном.
И живу теперь я в нем полным властелином.

В этом доме – терема, не один, четыре.
В этом доме свет и тьма радостней, чем в мире.
Светит солнце с потолка, за день не сгорает.
Месяц с звездами в ночах серебром играет.

И когда я из окна брошу взор к пустыням,
В небе светится Луна, Солнце в море синем.
Светят миру, но порой траур ткут им тучи.
А в моем дому они без конца горячи.

И ворота у меня без замков железных,
Но закрыты, как врата областей надзвездных.
Лето, Осень, и Зима, с нежною Весною,
Говорят душе: «Люби. Хорошо со мною».

Лето, Осень, и Зима смотрятся в оконца,
Без конца поет Весна, что хмельное Солнце.
Нежно, шелково шуршат шепчущие травы.
Хорошо построить дом в тишине дубравы.

В БАШНЕ

В башне с окнами цветными
Я замкнулся навсегда,
Дни бегут, и в светлом дыме
Возникают города,
Замки, башни, и над ними
Легких тучек череда.

В башне, где мои земные
Дни окончиться должны,
Окна радостно-цветные
Без конца внушают сны,
Эти стекла расписные
Мне самой Судьбой даны.

В них я вижу, как две тени
Обнимаются, любя,
Как, упавши на колени,
Кто-то молится, скорбя,
В них я вижу в быстрой смене
Землю, небо, и себя.

Там, за окнами, далеко,
С непочатой вышины,
Смотрит огненное око
Неба, Солнца, и Луны,
Но окно мое высоко,
То, что мне внушает сны.

То, меж окнами цветными,
На которое смотрю,
В час когда, как в светлом дыме,
Я приветствую зарю,
И с виденьями родными
Легкой грезой говорю.

На другие обращаю
В час заката жадный взор,
В час, когда уходит к раю
Тихий вечер на дозор,
И лепечет: «Обещаю,
Вновь увидишь мой убор».

На другие я с отрадой
Устремляю ночью взгляд,
В час когда живет прохладой,
Полный вздохов, сонный сад,

И за призрачной оградой
Светляки меж трав горят.

Так живу, как в светлом дыме
Огнецветные цветы,
Над ошибками земными
Посмеваясь с высоты,
В башне с окнами цветными
Переливчатой мечты.

ВЫСЬ

Коль не изведал ты вершин
Самозабывшегося чувства, –
Коль не узнал ты, что Искусство,
Самодержавный властелин,
Тебе сказало: «Будь один,
Отъединенным, силой чувства,
От топей, гатей, и плотин!», –
Коль не узнал ты, что считают
Веками время в ледниках,
Что выси горные не тают
И знают только снежный прах, –
Тогда свой беглый час изведай,
Упейся легким торжеством,
А я над дольною победой
Не уроню свой вышний гром, –
Его оставлю я для взора
Того, кто может быть – один,
Вне слов хвалы и пены спора,
В огнях нездешнего убора,
Средь молний, пропастей, и льдин.

ИЗВИВ

Он прав, напев мертвящий твой,
Но слишком он размерен, –
Затем что мысли ход живой,
Как очерк тучки кочевой,
Всегда чуть-чуть неверен.
Когда грамматика пьяна
Без нарушенья меры, –
Душа как вихрем взнесена,
В те призрачные сферы,
Где в пляске все размеры, –
Где звонко бьются в берега,

Переплетаясь, жемчуга,
Сорвавшиеся с нитей, –
И взор твой, млея и светясь,
Следит, как в этот звездный час,
Плывет пред ликом Бога
Вся Млечная дорога.

СОЛНЦЕ

Это – Солнце вызывает все растения к высоте,
Их уча, что вот и Солнцу к вышней хочется черте.

Златокрайностью пронзая сон сцепляющих темнот,
Солнце всходит, мысль золотая, на лазурный небосвод.

На пути дугообразном расцветаясь в силе чар,
Солнце тайно разжигает жизнетворческий пожар.

Зажигает состязанье, быть различными маня,
Поелику в лике Солнца – семицветный лик Огня.

Оттого у всех ответных солнцесветных лепестков
Так различествует сказка красок, запахов, и снов.

Влажный лютик, нежность-роза дышат солнечной мечтой,
Это красная амфора и бубенчик золотой.

Дева лилия и ландыш – отраженья облаков,
Это – чаша причащенья, пузырьочки для духов.

Незабудка, глаз фиалки, колокольчик, зверобой
Небу молятся, затем что Солнце – в бездне голубой.

Образ змея, орхидея, раскрывает страстный рот,
Ибо Солнцем кровь согрета, поцелуй – души полет.

И еще, еще, и много кругообрисов-цветов,
Ибо Солнце круг свершило до закатных берегов.

Опустилось, исчезая, к аметистовой черте,
Чтоб звездистые сирени в ночь дышали темноте.

В ЧАС РАССВЕТА

Над ущельем осторожным, меж тревожных чутких скал,
Переключке горных духов в час рассвета я внимал.

Со скалы к скале срывался, точно зов, неясный звук.
Освеженный, улыбался, пробуждался мир вокруг.

Где-то серна пробежала, где-то коршун промелькнул,
Оборвался тяжкий камень, между скал раздался гул.
И гнездится, и клубится легкий пар, источник туч,
Зацепляясь, проползает по уступам влажных круч.

И за гранью отдаленной, – радость гор, долин, полей, –
Открывает лик победный, все полней и все светлей,
Ярко-красное Светило расцветающего дня,
Как цветок садов гигантских, полный жизни и огня.

ЗАРОЖДЕНИЕ РУЧЬЯ

На вершине скалы, где потоком лучей
Солнце жжет горячей, где гнездятся орлы,
Из туманов и мглы зародился ручей,
Все звончей и звончей по уступам скалы
Он волной ударял, и гранит повторял
Мерный отзвук на звук, возникавший вокруг.

Как прозрачный кристалл, как сверкающий луч,
Переменчивый ключ меж камней трепетал,
На граните блистал, и красив, и певуч,
Жаждой жизни могуч, он от счастья рыдал,
И кричали орлы, на уступах скалы,
У истоков ручья, в торжестве бытия.

ЗВУКИ ПРИБОЯ

Как глух сердитый шум
Взволнованного Моря!
Как свод Небес угрюм,
Как бьются тучи, споря!

О чем шумит волна,
О чем протяжно стонет?
И чья там тень видна,
И кто там в Море тонет?

Гремит морской прибой,
И долог вой упорный:
«Идем, идем на бой,
На бой с Землею черной!

Разрушим грань Земли,
Покроем все водою!
Внемли, Земля, внемли,
Наш крик грозит бедою!

Мы все зальем, возьмем,
Поглотим жадной бездной,
Громадой волн плеснем,
Взберемся в мир надзвездный!»

«Шуми, греми, прибой!»
И стонут всплески смеха.
«Идем, идем на бой!» –
«На бой» – грохочет эхо.

ИЗ-ПОДО ЛЬДА

Быть может, не было у нас
Весны воздушно-молодой,
Когда полдневный светит час
Над просветленною водой.

Весна пленительно-нежна
Для двух влюбленно-молодых,
Когда себе поет она
Лесной протяжный слитный стих.

Мы жили розно в те года,
Мы были розно и потом.
Но никогда, о, никогда
Цветок не стынет подо льдом.

Он ждет, под бледной чарой сна,
Чтоб, совершив круговорот,
И для него пришла весна,
И для него раскрылся год.

Он ждет, в признательной мечте,
Чтоб лед разрушился звеня,
И чтоб запели в высоте
Созвучья песен и огня.

Смотри, смотри: Идет весна,
Нам светит Солнце с высоты.
Ты мне навеки предана,
Я твой навеки. Мы – цветы.

РАЗЛУКА

Вдыхая морской освежительный воздух,
Качаясь на сине-зеленых волнах,
В виду берегов Скандинавии,
Я думал, мой друг, о тебе, –
О тебе,
Чей образ со мной неразлучен,
Точно так же, как час возвещающий дню
Приближение ночи
Неразлучен с красавицей неба, Вечерней Звездой, –
Как морская волна неразлучна с пугливою чайкой.
Много ярких светил в безграничном пространстве Лазури, –
Лучезарный Арктур, Береники блестящие кудри,
Орион, и созвездие Леды,
Большая Медведица,
Но среди миллионов светил
Нет светила прекрасней – Вечерней Звезды.
Много птиц, много гостей крылатых, летит через Море,
Бросив берег его, направляясь к другому,
Что вдали где-то там затерялся среди синевы и туманов, –
Но только одну белокрылую чайку
С любовью баюкает, точно в родной колыбели,
Морская волна.
Чайка взлетает к нависнувшим тучам,
Чайка умчится в далекие страны, –
Куда и зачем, вряд ли знает сама, –
Но снова, как странник,
Уставший бродить в бесприютных краях,
Прилетит она к синей родимой волне,
Прильнет к ней своей белоснежною грудью, —
И Солнце смеется, взирая на них,
И шлет им лучистые ласки.
Так и я, разлучившись с тобой,
О, мой друг бесконечно любимый,
Был сердцем с тобой неразлучен,
Я баюкал твой ласковый образ в своей трепетавшей груди,
Вдыхая морской освежительный воздух,
Качаясь на сине-зеленых волнах,
В виду берегов Скандинавии.

ХЛОПЬЯ ТУМАНА

1

Можно вздрогнуть от звука шагов,
Не из чувства обмана,
А из жажды остаться вдвоем в нетревожимом счастье снов,

Под владычеством чары, воздушной, как грань облаков,
Можно горько бояться, что светлые хлопья тумана
Разойдутся – не слившись, умрут, – слишком рано.

2

О, в душе у меня столько слов для тебя и любви,
Только душу мою ты своею душой позови.

3

Я как сон пред тобой, я как сон голубой,
Задремавший на синем цветке.
Я как шорох весны, я как вздох тишины,
Как тростник наклоненный к реке.
Я как легкий ковыль, как цветочная пыль,
Каждый миг и дышу, и дрожу.
Я как летняя мгла, что светла и тепла,
И тебе все без слов я скажу.

СКРИПКА

Скрипку слушал я вчера.
О, как звонко трепетала,
Человечески рыдала
Эта тонкая игра.

В нарастающем ручье,
Убедительном, разливном,
Так мучительно-призывном,
Дух подобен был змее.

Бриллиантовой змеей
Развернул свои он звенья,
Вовлекал в свои мученья,
И владел моей душой.

И пока он пел и пел,
Увидал я, лунно-сонный,
Как двойник мой озаренный
Отошел в иной предел.

Был он в море белых роз,
С кем-то белым там встречался,
С ярким звуком оборвался,
И вернулся в брызгах слез.

ЦАРСТВО ТИХИХ ЗВУКОВ

Царство тихих звуков, ты опять со мной,
Маятник невнятный бьется за стеной.
В ровном коридоре мерные шаги.
Близкие ли это? Злые ли враги?

Я люблю волнение позлащенных нив,
На опушке леса вечер так красив.
Над простором вольным водной глубины
Дымно дышат чары царственной Луны.

Нет, я должен, должен полюбить печаль,
Не искать блаженства, не стремиться вдаль.
Не желать блаженства вечных перемен,
Нет, уйти нельзя мне от бесцветных стен.

Тонкая, но властно, вытянулась нить,
Бледного кого-то должен я щадить.
Кто-то дышит близко, грустный и родной,
Чье-то сердце глухо бьется за стеной.

СОЛНЦЕ – КРАСНОЕ

Солнце – красное, сказал мне мой родной народ,
И о вольном красном Солнце сердце мне поет.

Так до боли, в жажде воли, все стучит, звучит,
Звук биенья – песнопенье, чувство не молчит.

Сердце, слышу. Мы сложили много звонких строк,
Юг и Север мы воспели, Запад и Восток.

Мы с тобой взрастили, сердце, красные цветы,
Я мечтал – и страстной краской в грезах билось ты.

Ни себя ты не жалело, ни других порой,
Но под Солнцем ты алело, сам я был не свой.

Мы с тобой не сомневались – о, ни в ком, ни в чем,
Мы пьянели, опьянялись – солнечным лучом.

Мы взрастили много смелых ярких лепестков,
Мы учили жгучей силе, власти гордых снов.

Сердце – вольно, Солнце – красно, мир согласен весь,

Там, далеко, свет зажжется, раз ты светел здесь.

Юность, юность, будь же юной, вспыхни, пожелай,
Каждый миг – начало, воля, вечный скрытый Май.

Не напрасно же раскрыл я в пеньи звонких строк
Тайну сердца – алость крови – солнечный цветок.

ЗАРЕВО МГНОВЕНИЙ

В закатном зареве мгновений, твоих или моих,
Я вижу, как сгорает гений, как возникает стих,
В закатном зареве мгновений докучный шум затих.

Воспламененное Светило ушло за грань морей,
И в тучах краски доживают всей роскошью своей,
Чего в них больше – аметистов, рубинов, янтарей?

К чему свой взор случайно склонишь, то даст тебе ответ,
В одном увидишь пламя счастья, в другом услышишь «Нет».
Но все, на что свой взгляд уронишь, восхвалит поздний свет.

Прозрачность, нежность, и чрезмерность, все слито в забыты,
В последний раз мы их коснемся в предсмертном бытии,
И мы поймем, что эти краски – твои или мои.

И мы поймем, как полнозвучно поет волна морей,
Когда дневное отшумело, и Ночь, во сне, бодрей,
И все ночное, незаметно, идет скорей, скорей.

Вот, все воздушней аметисты, рубины, янтари,
Все, что во внешнем – еле слышно, все ярко – что внутри,
Мгновенье пышного Заката – последнее – гори!

ЗЕРКАЛО

Я зеркало ликов земных
И собственной жизни бездонной.
Я все вовлекаю в свой стих,
Что взглянет в затон углубленный.

Я властно маню в глубину,
Где каждый воздушно-удвоен,
Где все причащаются сну,
Где даже уродливый строен.

Тяжелая поступь живых,
Пред глубию меняясь, слабеет.
Радение сил неземных
Незримо, но явственно реет.

Душа ощущает: «Тону»,
Глаза удивляются взору.
И я предаю тишину
Запевшему в вечности хору.

СОЛНЦЕ УДАЛИЛОСЬ

Солнце удалилось. Я опять один.
Солнце удалилось от земных долин.
Снежные вершины свет его хранят.
Солнце посылает свой последний взгляд.

Воздух цепенеет, властно скован мглой.
Кто-то, наклоняясь, дышит над землей.
Тайно стынут волны сумрачных морей.
– Уходи от ночи, уходи скорей. –

– Где ж твой тихий угол? – Нет его нигде.
Он лишь там, где взор твой устремлен к звезде.
Он лишь там, где светит луч твоей мечты.
Только там, где солнце. Только там, где ты.

СУМЕРКИ

Мерцают сумерки в лимонных
И апельсиновых садах,
И слышен лепет в листьях сонных,
И дремлет ветер на цветах.

Тот легкий ветер, что приносит
Благословение небес.
И тайно души наши просит
Поверить мудрости чудес.

Чудес ниспосланных нежданно
Для исцеления души,
Которой всюду, беспрестанно,
Был только слышен крик: «Спешите».

Для исцеленья утомленных,
Нашедших чары новых снов,

Под тенью ласковой – лимонных
И апельсиновых садов.

СЕРЕНАДА

Я сомкнул глаза усталые,
Мира больше нет.
Плачьте, плачьте, запоздалые,
Светит вам лишь поздний свет.
Дышат сумерки неясные,
Смотрят звезды с высоты.
Плачьте, страстные, подвластные
Тайнам темноты.

Я закрыл глаза усталые,
Стройный мир погас.
Кровь слагает сказки алые,
И обманывает нас.
Дышат шелесты неясные,
Дымно спит речная гладь.
Плачьте, страстные, безгласные,
Вам недолго спать.

ПРИЧАСТИЕ НОЧИ

Полюбите слезы, в вас воскреснет смех.
Прикоснитесь боли, удалится грех.
Помолитесь Ночи, вам сверкнет Заря,
С светлым, с темным сердцем светом говоря.
Прикоснитесь к Миру мыслию своей,
На касанье мысли – поцелуй лучей.
Поцелуй безгласный просиявших глаз,
Посмотревших ясно из души на нас.
Причаститесь боли, это верный путь,
Чтоб на вольной воле глубоко вздохнуть.

ОСЕНЬ

Осень. Мертвый простор. Углубленные грустные дали.
Завершительный ропот, шуршащих листвою, ветров.
Для чего не со мной ты, о, друг мой, в ночах, в их печали?
Столько звезд в них сияет, в предчувствии зимних снегов.

Я сижу у окна. Чуть дрожат беспокойные ставни.
И в трубе, без конца, без конца, звуки чьей-то мольбы.
На лице у меня поцелуй, – о, вчерашний, недавний.
По лесам и полям протянулась дорога Судьбы.

Далеко, далеко, по давнишней пробитой дороге,
Заливаясь, поет колокольчик, и тройка бежит.
Старый дом опустел. Кто-то бледный стоит на пороге.
Этот плачущий – кто он? Ах, лист пожелтевший шуршит.

Этот лист, этот лист... Он сорвался, летит, упадет...
Бьются ветки в окно. Снова ночь. Снова день. Снова ночь.
Не могу я терпеть. Кто же там так безумно рыдает?
Замолчи. О, молю! Не могу, не могу я помочь.

Это ты говоришь? Сам с собой – и себя отвергая?
Колокольчик, вернись. С привиденьями страшно мне быть.
О, глубокая ночь! О, холодная осень! Немая!
Непостижность Судьбы: – Расставаться, страдать, и любить.

РАЗЪЕДИНЕННЫЕ

Я давно полюбил мою душу,
Я замкнул ее в светлый свой дом,
И ее тишины не нарушу,
Хоть несдержан в блужданьи своем.

Я брожу меж людей только телом,
Я хожу между них лишь как тень,
В сладострастьи замру онемелом,
Как охваченный страхом олень.

И как яркий встаю пред толпою,
И как жалкий склонюсь под грозой,
Над фиалкой стою голубою,
Напою все растенья росой.

И душа моя в доме скучает,
Моего возвращения ждет,
И слезами свой лик расцвечает,
И потерян алмазностям счет.

И душа так жалеет, жалеет
О моем бесконечном пути,
Но покинуть чертог свой не смеет,
И не смею я к ней подойти.

* * *

В пустыне безбрежного Моря
Я остров нашел голубой,
Где, арфе невидимой вторя,
И ропщет и плачет прибой.

Там есть позабытая вилла,
И, точно видение, в ней
Гадают седая Сибилла,
В мерцаньи неверных огней.

И тот, кто взойдет на ступени,
Пред Вещей преклонится ниц, —
Увидит поблекшие тени
Знакомых исчезнувших лиц.

И кто, преклоняясь, заметит,
Как тускло змеятся огни,
Тот взглядом сильней их засветит, —
И вспомнит погибшие дни.

И жадным впиваяся взором
В черты бестелесных теней,
Внимая беззвучным укорам,
Что бури громовой слышней, —

Он вскрикнет, и кинется страстно
Туда, где былая стезя...
Но тени пройдут безучастно,
И с ними обняться — нельзя.

ТИШЕ, ТИШЕ

Тише, тише совлекайте с древних идиолов одежды,
Слишком долго вы молились, не забудьте прошлый свет,
У развенчанных великих как и прежде горды вежды,
И слагатель вещих песен был поэт и есть поэт.

Победитель благородный с побежденным будет ровен,
С ним заносчив только низкий, с ним жесток один дикарь.
Будь в раскате бранных кликов ясновзoren, хладнокровен,
И тогда тебе скажу я, что в тебе мудрец — и царь.

Дети Солнца, не забудьте голос меркнувшего брата,
Я люблю в вас ваше утро, вашу смелость и мечты,
Но и к вам придет мгновенье охлаждения и заката, —
В первый миг и в миг последний будьте, будьте как цветы.

Расцветайте, отцветайте, многоцветно, полновластно,
Раскрывайте все богатство ваших скрытых юных сил,
Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь, прекрасна,
И что царственно величье холодеющих могил.

БЛИЗ СИНЕГО КАМНЯ

Близ Синего камня песок золотой,
Песок золотой, измельченный Водой.

Вода – голубая, прозрачная днем.
И черная, злая во мраке ночном.

Близ Синего камня песок золотой,
И падает с Неба звезда за звездой.

Вода умножает и точит песок,
А Камень все тот же, и путь все далек.

Пути все далеки для тех, кто идет
Песком измельченным, над сказкою вод.

И вечно все тот же песок золотой,
Близ Синего камня, над вечной Водой.

* * *

Отчего мне так душно? Отчего мне так скучно?
Я совсем остываю к мечте.
Дни мои равномерны, жизнь моя однозвучна,
Я застыл на последней черте.

Только шаг остается, только миг быстроекрылый,
И уйду я от бледных людей.
Для чего же я медлю пред раскрытой могилой?
Не спешу в неизвестность скорей?

Я не прежний веселый, полубог вдохновенный,
Я не гений певучей мечты.
Я угрюмый заложник, я тоскующий пленный,
Я стою у последней черты.

Только миг быстроекрылый, и душа, альбатросом,
Унесется к неведомой мгле.
Я устал приближаться от вопросов к вопросам,

Я жалею, что жил на Земле.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Я раскрыл лебединые крылья,
И коснулся крылами зари,
И легко, высоко, без усилья,
Возлетел. Мой размах повтори.

Если хочешь лететь легковольно,
Там, где звезды подобны ручью,
Ты пойми и почувствуй безбольно
Лебединую песню мою.

Улети от родного затона,
От знакомых родных ступеней,
Убаюкай дрожание стона,
Будет песня полней и звучней.

Икупаешься в Солнце безвестном,
Обвенчаешься с Новой Луной,
И к пределам желанным, хоть тесным,
Прилетишь с полнопевной весной.

Из пустынь, что лазурно-высоки,
Упадешь белоснежно к гнезду,
И качнешь ты родные осоки,
Закачаешь на влаге звезду.

ЛИНИИ СВЕТА

Длинные линии света
Ласковой дальней Луны.
Дымкою Море одето.
Дымка – рожденье волны.

Волны, лелея, сплетают
Светлые пряди руна.
Хлопья плывут – и растают,
Новая встанет волна.

Новую линию блеска
Вытянет ласка Луны.
Сказка сверканий и плеска
Зыбью дойдет с глубины.

Влажная пропасть сольется
С бездной эфирных высот.
Таинство Небом дается,
Слитность – зеркальностью вод.

Есть полногласность ответа,
Только желай и зови.
Длинные линии света
Тянутся к нам от Любви.

ГОЛУБОЕ

Мне снилось, мы с тобой вступили в Голубое.
То было царство звезд, фиалок, и воды.
Лазурные поля. Леса. Мы были двое.
Звезда не торопясь вела нас до звезды.

Среди высоких гор базальта голубого
Часовни были там курившихся пещер.
Шел белый дым из них, и снова в них и снова
Звук эхо нашу мысль перелагал в размер.

По берегам ручьев мерцали незабудки,
В сиреневых кустах светился фимиам.
И колокольчики, как башенки-малютки,
Света, струили звон в лазурь Небес и к нам.

А птицы синие, что Время означали,
Летали по кругам, баюкая мечты
И в сердце пела песнь, что кончились печали,
Что я навек с тобой, навек со мною ты.

ЗА ГАЕМ ЗЕЛЕНЫМ

За гаем зеленым,
По срываю и склонам,
Певуче вела ты, тоска.
Но видно, что дважды
Для жалящей жажды
Не дышит прохладой река.

Здесь некогда юным
Я был Гамаюном,
В свирельности ласковых слов.
Но юность лишь эхо
Далекого смеха,

Лишь отзвук далеких шагов.

Зеленого гая
Листва молодая
Роняет с зарею росу.
И юность – лишь лодка,
Уплывшая ходко,
Ведя по воде полосу.

За гаем зеленым,
Со смехом и звоном,
Промчались в ночи бубенцы.
Горячая тройка
Уносится бойко
Во все мировые концы.

ПОТУХШИЕ ФАКЕЛЫ

Факелы, тлея, чадят,
Утомлен наглядевшийся взгляд.
Дым из каминов излит,
Наслажденье, усталое, спит.

О, наконец, наконец,
Затуманен блестящий дворец!
Мысль, отчего ж ты не спишь, –
Вкруг тебя безнадежная тишь!

Жить, умирать, и любить,
Беспредельную цельность дробить, –
Все это было давно
И, скользнув, опустилось на дно.

Там, в полумгле, в тишине,
Где-то там, на таинственном дне,
Новые краски царят,
Драгоценные камни горят.

Ниже, все ниже, все вниз,
Замолчавшей душой устремись!
В смерти нам радость дана, –
Красота, тишина, глубина!

МОРАНА

Умирание – мерещится уму.

Смерть нам кажется. Лишь верим мы во тьму.
Эти сумерки сознания и души,
Смерть всемирную пред ночью утиши.

Умягчи Морану страшную мольбой.
Зачаруй ее в пустыне голубой.
Разбросай среди жемчужин алый цвет.
Зачаруй. Морана – дева, ты – поэт.

Засвети сияньем звездным брызги слез.
Дай алмазов темноте ее волос.
«Меркнуть рано», прошепчи, – она вздохнет.
Поцелует, усыпит, но не убьет.

ТКАЧИХА

Дева вещая, ткачиха,
Ткет добро, с ним вместе лихо,
Пополам.
Левой белою рукою
Нить ведет с борьбой, с тоскою.
А рукою белой правой
Нить прямит с огнем и славой.
Ткани – нам.
Дева вещая, ткачиха,
В царстве Блага, в царстве Лиха,
Где-то там.

Пой для Девы, Дева глянет,
Только ткать не перестанет
Никогда.
Сердцем зная все напевы,
Заглянул я в сердце Девы.
Полюбил, и полюбился,
В замке Девы очутился
Навсегда.
Любо мне, но душу ранит
Шум тканья, что не устанет
Никогда.

Диво вечное, ткачиха,
Тки, колдуй, но только тихо,
Не греми.
А не то проснутся люди,
И придут гадать о чуде.
Нам вдвоем с тобою дружно,
Нам не нужно, не досужно
Быть с людьми.
Дева вещая, ткачиха,

Тише, тише, в сердце – тихо,
Не шуми.

СМЕРТНЫЕ ГУМНА

Смертные гумна убиты цепами.
Смилуйся, Господи жатвы, над нами.

Колос и колос, колосья без счета,
Жили мы, тешила нас позолота.

Мы золотились от луга до луга.
Нивой шептались, касались друг друга.

Пели, шуршали, возрастали мы в силе.
Лето прошло, и луга покосили.

Серп зазвенел, приходя за косою.
Словно здесь град пробежал полосою.

Пали безгласными – жившие шумно.
Пали колосья на страшные гумна.

Колос и колос связали снопами.
Взяли возами. И били цепами.

Веять придут. Замелькает лопата.
Верные зерна сберутся богато.

Колос, себя сохранявший упорно,
Будет отмечен, как взвесивший зерна.

Колос, качавший пустой головою,
Лишь как мякина послужит собою.

Зерна же верные, сгрудясь богато,
Будут сиять как отменное золото.

Дай же, о, Боже, нам жизни счастливой,
Быть нам разливистой светлою нивой.

Дай же нам, Боже, пожив многошумно,
Пасть золотыми на смертные гумна.

ДУХ ДРЕВА

Своей мечтой многоветвистой,
Переплетенной и цветистой,
Я много храмов покрывал,
И рад я знать, что дух стволистый
В телесном так воздушно-ал.

Но, если я для верных, нежных,
Для изнемогших, безнадежных,
Свои цветы свевал светло,
Я знаю, в лепетах безбрежных,
Как старо темное дупло.

И, если вечно расцветая,
Листва трепещет молодая,
Я, тайно, слушаю один,
Как каждый лист, с ветвей спадая,
Впадает в Летопись судьбин.

И те, что ведают моления,
И те, что знают иступленье,
И те, в которых разум юн,
Как буквы, входят в Песнопенье,
Но буквы не читают рун.

СУТКИ

Тик-так,
Тики-так,
Свет да Мрак, и День да Ночь.
Тик-так,
Свет да Мрак,
День да Ночь, и Сутки прочь.

Тик-так,
Ты – слепень,
Ты есть Ночь, а я есть День.
Тик-так,
Не пророчь,
Я всезрячая, я Ночь.

Тик-так,
Мертвый мрак,
Гроб и заступ, вот твой знак.
Тик-так,
Темнота –
Путь для цвета и листа.

Тик-так,
Все же я,

Значит, я для бытия.
Тик-так,
Свет хорош,
Все же ты во мне уснешь.

Тик-так,
Мы качель,
Вправо, влево колыбель.
Тик-так,
Тики-так,
Неужель могила цель?

Тик-так,
Не пойму,
В свет идем мы или в тьму?
Тик-так,
Тики-так,
Свет и тьму я обниму.

Тик-так,
Тики-так,
Сейте лен и сейте мак.
Тик-так,
День да Ночь,
День да Ночь, и Сутки прочь.

ВЫБОР

1

Будь свободным, будь как птица, пой, тебе дана судьба.
Ты не можешь быть как люди, ты не примешь лик раба.

Ежедневный, ежечасный, тупо-скромный, скучный лик,
Это быть в пустыне темной, быть казненным каждый миг.

Ты не можешь, ты не можешь, – о, мой брат, пойми меня, –
Как бы мог ты стать неярким, ты, рожденный от Огня.

Это – страшное проклятье, это – ужас: быть как все.
Ты свободный, луч, горящий – в водопаде и в росе.

Ты порою мал и робок, но неравенство твоё –
Жизнь стихии разрешенной, сохрани в себе её.

Ты сейчас был мал и робок, но судьба тебе дана.
Вот ты вспыхнул, вот ты Солнце. Вся лазурь твоя, до дна.

Нет, мой брат, не принимаю
Гордый твой завет.
Я иду к иному раю,
Я люблю спокойный свет.

Ежедневный, ежечасный,
Свет души – на дне,
Тем прекрасный, что, бесстрастный,
Неизменен он во мне.

Брат мой, кто ты? Что ты знаешь
Обо всех других?
Ты неярких проклинаешь,
Я для них пою свой стих.

Ты сказал, что я сияю
В капельке, в росе, –
Это я благословляю,
Я желаю быть как все.

Все мы капли в вечном Море,
Нет различья в нас.
Все мы боль таим во взоре
В наш последний смертный час.

Это – страшное проклятье:
Презирать других.
Всех люблю я без изъятья,
Я для всех пою свой стих.

ТРИ ЛЕГЕНДЫ

Есть лишь три легенды сказочных веков.
Смысл их, вечно старый, точно утро нов.

И одна легенда, блеск лучей дробя,
Говорит: «О, смертный! Полюби себя».

И другая, в свете страсти без страстей,
Говорит: «О, смертный! Полюби людей».

И вещает третья, нежно, точно вздох:
«Полюби бессмертье. Вечен только Бог».

Есть лишь три преддверья. Нужно все пройти.
О, скорей, скорее! Торопись в пути.

В храме снов бессмертных дышит нежный свет,
Есть всему разгадка, есть на все ответ.

Не забудь же сердцем, и сдержи свой вздох:
Ярко только Солнце, вечен только Бог!

ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ

Камень Иоанна, нежный изумруд,
Драгоценный камень ангелов небесных, –
Перед теми двери Рая отомкнут,
Кто тебя полюбит в помыслах чудесных, –
Цвет расцветшей жизни, светлый изумруд!

Твердая опора запредельных тронов,
Яшма, талисман апостола Петра, –
Храм, где все мы можем отдохнуть от стонов
В час когда приходит трудная пора, –
Яшма, украшение запредельных тронов!

Камень огневой неверного Фомы,
Яркий хризолит оттенка золотого, –
Ты маяк сознания над прибоем тьмы,
Чрез тебя мы в Боге убедимся снова, –
Хризолит прекрасный мудрого Фомы!

Символы престолов, временно забытых,
Гиацинт, агат, и дымный аметист, –
После заблуждений, сердцем пережитых,
К небу возвратится тот, кто сердцем чист, –
Легкий мрак престолов, временно забытых!

Радость высших духов, огненный рубин,
Цвета красной крови, цвета страстной жизни, –
Между драгоценных камней властелин,
Ты нам обещаешь жизнь в иной отчизне, –
Камень высших духов, огненный рубин!

СВЕТЛЕЙ СЕБЯ

Прекрасен лик звезды с прозрачным взором,
Когда она, не рдея, не скорбя,
И зная только Небо и себя,
Струит лучи нетающим узором,
Средь дальних звезд, поющих светлым хором.

Но как она светлей самой себя,
Когда, воспламененным метеором,
Огни лучей стремительно дробя,
Горит – пред смертью, падает – любя!

МОЛИТВА О ЖЕРТВЕ

Пилой поюще подточен яркий ствол
Еще не выжившей свой полный век березы.
На землю ниспроверг ее не произвол,
Не налетевшие прерывистые грозы.

Она, прекрасная, отмечена была,
Рукой сознательной для бытия иного: –
Зажечься и гореть, – блестя, сгореть дотла, –
И в помыслах людей теплом зажечься снова.

Но прежде, чем она зардеет и сгорит,
Ей нужен долгий путь, ей надо исказиться: –
Расчетвертована, она изменит вид,
Блестящая кора, иссохнув, затемнится.

Под дымным пламенем скоробится она,
И соки жил ее проступят точно слезы,
Победно вспыхнет вдруг, вся свету предана, –
И огненной листвой оделся дух березы!

Я с жадностью смотрю на блеск ее огня: –
Как было ей дано, погибшей, осветиться!
– Скорее, Господи, скорей, войди в меня,
И дай мне почернеть, иссохнуть, исказиться!

ПУТЬ ПРАВДЫ

Пять чувств – дорога лжи. Но есть восторг экстаза,
Когда нам истина сама собой видна.
Тогда таинственно для дремлющего глаза
Горит узорами ночная глубина.

Бездонность сумрака, неразрешенность сна,
Из угля черного – рождение алмаза.
Нам правда каждый раз – сверхчувственно дана,
Когда мы вступим в луч священного экстаза.

В душе у каждого есть мир незримых чар,
Как в каждом дереве зеленом есть пожар,

Еще не вспыхнувший, но ждущий пробужденья.

Коснись до тайных сил, шатни тот мир, что спит,
И, дрогнув радостно от счастья возрожденья,
Тебя неожиданное так ярко ослепит.

ОТ БЛЕДНОГО ЛИСТКА

От бледного листка испуганной осины
До сказочных планет, где день длинней, чем век,
Все – тонкие штрихи законченной картины,
Все – тайные пути неуловимых рек.

Все помыслы ума – широкие дороги,
Все вспышки страстные – подъемные мосты,
И как бы ни были мы бедны и убоги,
Мы все-таки дойдем до нужной высоты.

То будет лучший миг безбрежных откровений,
Когда, как лунный диск, прорвавшись сквозь туман,
На нас из хаоса бесчисленных явлений
Вдруг глянет снившийся, но скрытый Океан.

И цель пути поняв, счастливые навеки,
Мы все благословим раздавшуюся тьму,
И, словно радостно-расширенные реки,
Своими устьями, любя, прильнем к Нему.

ПРИЗРАКИ

Птичка серая летает
Каждый вечер под окно.
Голосок в кустах рыдает,
Что-то кончилось давно.

Звуки бьются так воздушно,
Плачут тоньше, чем струна.
Но внимают равнодушно
Мир, и Небо, и Луна.

Над усадьбою старинной
Будто вовсе умер день.
Под окошком тополь длинный
До забора бросил тень.

Стало призраком свиданье,

Было сном и стало сном.
Лишь воздушное рыданье
Словно память под окном.

Эти звуки тонко лились
Здесь и в дедовские дни.
Ничему не научились
Ни потомки, ни они.

Вечно будет тополь длинный
Холить траурную тень.
В сказке счастья паутиной
Раз был день, и умер день.

ТЕ ЖЕ

Те же дряхлые деревни,
Серый пахарь, тощий конь.
Этот сон уныло-древний
Легким говором не тронь.

Лучше спой здесь заклинанье,
Или молви заговор,
Чтоб окончилось стенанье,
Чтоб смягчился давний спор.

Эта тяжба человека
С неуступчивой землей,
Где рабочий, как калека,
Мает силу день-деньской.

Год из года здесь невзгода,
И беда из века в век.
Здесь жестокая природа,
Здесь обижен человек.

Этим людям злое снится,
Разум их затянут мхом,
Спит, и разве озарится,
Ночью, красным петухом.

ТОСКА

По углам шуршат кикиморы в дому,
По лесам глядят шишиморы во тьму.
В тех – опара невзошедшая густа,

Эти – белые, туманнее холста.

Клеть встревожена, чудит там домовой,
Уж доложено: Мол, будешь сам не свой.
Не уважили, нехватка овсеца,
И попляшет ваш коняга без конца.

Челку знатно закручу ему винтом,
И над гривой пошучу, и над хвостом.
Утром глянете, и как беде помочь,
Лошадь в мыле, точно ездил всю ночь.

В поле выйдешь, так бы вот и не глядел.
Словно на смех. И надел как не надел.
На околице два беса подрались,
Две гадюки подколенные сплелись.

А придет еще от лешего тоска,
Хватишь водки на четыре пятака.
Ну, шишиморы, пойду теперь в избу.
Ну, кикиморы, в избе как есть в гробу.

ПОГОРЕЛИ

Голодали. Погорели.
В бледном теле крови нет.
Завертелись мы в метели,
В вое взвихренных примет.

Мы остывшие блуждали
Вдоль замерзших деревень.
Видишь вьюгу в снежной дали?
Это наш посмертный день.

Голодая, мы заснули,
Был напрасен крик: «Горим!»
Дым и пламень, в диком гуле,
Пеплом кончились седым.

Голодать ли? Погореть ли?
Лучше ль? Хуже ль? Все равно.
Из чего ни свей ты петли,
Жалким гибнуть суждено.

Отгорела гарь недуга.
Пламень гибнущих пожрал.
Вот, нам вольно. Вьюга! Вьюга!
Пляшет снежно стар и мал.

Час и твой придет последний.
Дай, богатый. Сыпь хоть медь.
Не откупишься обедней.
Нужно будет умереть.

ПРИ МОРЕ ЧЕРНОМ

При Море черном стоят столбы.
Столбы из камня. Число их восемь.
Приходят часто сюда рабы.
И сонмы юных несут гробы.
Бледнеют зимы. И шепчет осень.

Порой и звери сюда дойдут.
Порой примчится сюда и птица.
И затоскуют? Что делать тут?
Пойдут, забродят, и упадут,
Устав стремиться, устав кружиться.

При Море черном стоят столбы.
От дней додневных. Число их грозно.
Число их веще меж числ Судьбы.
И их значенья на крик мольбы: –
Навек. Безгласность. Враждебность. Поздно.

ПОСЛЕ БУРИ

Зеленовато-желтый мох
На чуть мерцающей берёсте.
Паденье малых влажных крох,
Дождей отшедших слабый вздох,
Как будто слезы на погосте.

О, этих пиршественных бурь
В ветрах сметаемые крохи!
Кривой плетень. Чертополохи.
Вся в этом Русь! И, в кротком вздохе,
Сам говорю себе: Не хмурь
Свой тайный лик. Молчит лазурь.
Но будет: Вновь мы кликнем громы,
И, в небе рушась, водоемы,
Дождями ниву шевеля,
Вспоят обильные поля.

ЮРОДИВЫЙ

Есть глубинное юродство
Голубиной чистоты,
Человека с зверем сходство,
Слитье в цельность я и ты.
Все со мною, все со мною,
Солнце, Звезды и Луна,
Мир я в Церковь перестрою,
Где душе всегда слышна
Псалмопевчества струна.

Был один такой прохожий
Схвачен. – «Кто ты?» – «Божий сын».
« – Песий сын?» – «И песий тоже».
В этом крае Господин
Порешил, что он – безумный.
Отпустили. И во всех,
Средь толпы бездушно-шумной,
Вызывал слепой он смех.

Вот мужик над жалкой клячей
Измывается кнутом.
Тот к нему: – «А ты б иначе.
Подобрей бы со скотом».
« – Ты подальше, сын собачий»,
Рассердившийся сказал.
Тот, лицом припавши к кляче,
Вдруг одну оглоблю взял,
И промолвил: – «Кнут не страшен,
Что ж, хлещи уж и меня.
Для телег мы и для пашен.
А тебе-то ждать огня».
И хлеставший, удивленный,
Лошадь больше не хлестал.
Юродивый же, как сонный,
Что-то смутное шептал.
« – Если Бог – отец превышний,
Все мы – дети у Отца.
В Доме – все, никто – не лишний.
Черви сгложут мертвеца.
Без червей нам быть невозможно,
Смерть придет, и жизнь придет.
В мире шествуй осторожно,
Потому что пламень ждет.
Хоть червя здесь кто обидит,
Побывать тому в Аду.
Кто же мир как правду видит,
В сердце примет он звезду.
Он с огнем в душе здесь в мире,
Согревая всех других,

Смотрит зорче, видит шире,
И поет как птица стих.
Если спросят: – Кто вам предки? –
Молвим: – Волны предки нам,
Камни, звери, птицы, ветки.
Ходит ветер по струнам,
Дождь скопляется на камне,
Птице есть испить чего.
Сила виденья дана мне,
Всюду вижу – Божество».

Так ходил тот юродивый
По базарам меж слепых,
В сером рубище – красивый,
Вечно добрый – между злых.

Шла за ним везде собака,
С нею жил он в конуре.
И вещал: – «Вкусивши мрака,
Все проснемся мы в Заре».

СКИФ

Мерю степь единой мерою,
Бегом быстрого коня.
Прах взмету, как тучу серую.
Где мой враг? Лови меня.

Степь – моя. И если встретится
Скифу житель чуждых стран,
Кровью грудь его отметится.
Пал – и строй себе курган.

У меня – броня старинная,
Меч прямой и два копья,
Тетива на луке длинная,
Стрел довольно. Степь – моя.

Лик коня, прикрытый бляхами,
Блеском грифов, птиц и змей,
Ослепит огнем и страхами
Всех врагов меты моей.

А мета моя – высокая,
Византийская княжна,
Черноокая, далекая,
Будет мне мечом дана.

Полетим как два мы сокола.

Звон бубенчиков, трезвонь.
Кто вдали там? Кто здесь около?
Прочь с пути! Огонь не тронь!

ТОСКА СТЕПЕЙ

(Полонянка степей Половецких)

Звук зурны звенит, звенит, звенит, звенит,
Звон стеблей, ковыль, поет, поет, поет,
Серп времен горит, сквозь сон, горит, горит,
Слезный стон растет, растет, растет, растет.

Даль степей, не миг, не час, не день, не год,
Ширь степей, но нет, но нет, но нет путей,
Тьма ночей, немой, немой тот звездный свод,
Ровность дней, в них зов, но чей, но чей, но чей?

Мать, отец, где все, где все – семьи моей?
Сон весны – блеснул, но спит, но спит, но спит,
Даль зовет, за ней, зовет, за ней, за ней,
Звук зурны звенит, звенит, звенит, звенит.

СТЕПНОЙ ВЕТЕР

Ветер жгучий и сухой
Налетает от Востока.
У него как уголь око
Желтый лик, весь облик злой.
Одевается он мглой,
Убирается песками,
Издевается над нами,
Гасит Солнце, и с Луной
Разговор ведет степной.

Где-то липа шепчет к липе,
Вздрагнет в лад узорный клен.
Здесь простор со всех сторон,
На песчаной пересыпи
Только духу внятны звон: –
Не былинка до былинки,
А песчинка до песчинки,
Здесь растенья не растут,
Лишь пески узор плетут.

Ходит ветер, жжет и сушит,

Мысли в жаркой полутьме,
Ходит ветер, мучит души,
Тайну будит он в уме.
Говорит о невозвратном,
Завлекая за курган,
К песням воли, к людям ратным,
Что раскинули свой стан
В посмеянье вражьих стран.

Желтоликий, хмурит брови,
Закрутил воронкой прах,
Повесть битвы, сказку крови
Ворошит в седых песках.
Льнет к земле как к изголовью,
Зноем носится в степи.
Поделись своею кровью,
Степь нам красной окропи!
Вот в песок, шуршащий сухо,
Нож я, в замысле моем,
Вверх втыкаю лезвием.
Уж уважу злого духа!
Вместе песню мы споем.
Кто-то мчится, шепчет глухо,
Дышит жаром, и глаза
Норовит засыпать прахом,
Укусил огнем и страхом,
Развернулся как гроза,
Разметался, умалился,
С малой горстью праха слился,
Сеет, сеет свой посев,
Очи – свечки, смерчем взвился,
Взвизгнул, острый нож задев.
И умчался, спешный, зыбкий,
Прочь за степи, в печь свою.
Я ж смотрю, со злой улыбкой,
Как течет по лезвию
Кровь, что кровь зажгла мою.

НА СИНЕМ МОРЕ

Есть светлое Синее Море,
На светлом на Синем на Море,
Есть Остров, на Острове Камень,
И Остров и Камень тот – синь.
На Камени, в синей одежде,
Сидит Человек белоликий,
И лук у него бестетивный,
Лук синий для синих пустынь.

И синей стрелою без перьев
Стреляет он в притчи, в призоры,
Во всякую нечисть, в притворства,
В телесный и в думный излом.
В Серебряном Море, напротив,
Серебряный Остров и Камень,
Серебряный кто-то на Камне
Ему отвечает как гром.

Ему подпевает пособно,
Стрела за стрелой улетает,
Над дивной Рекой поперечной
Огонь разрастается, синь.
Так сгиньте же, ковы, призоры,
Рассейтесь вы, притчи и чары,
Я стрелы вам здесь заостряю,
Аминь, говорю я, аминь.

СЛАВЯНСКОЕ ДРЕВО

Корнями гнездится глубоко,
Вершиной восходит высоко,
Зеленые ветви уводит в лазурно-широкую даль.
Корнями гнездится глубоко в земле,
Вершиной восходит к высокой скале,
Зеленые ветви уводит широко в безмерную синюю даль.
Корнями гнездится глубоко в земле, и в бессмертном подземном огне,
Вершиной восходит высоко-высоко, теряясь светло в вышине,
Изумрудные ветви в расцвете уводит в бирюзовую вольную даль.
И знает веселье,
И знает печаль.
И от Моря до Моря раскинув свои ожерелья,
Колыбельно поет над умом, и уводит мечтание в даль.

Девически вспыхнет красивой калиной,
На кладбище горькой зажжется рябиной,
Взнесется упорно как дуб вековой.
Качаясь и радуясь свисту метели,
Растянется лапчатой зеленью ели,
Сосной перемолвится с желтой совой.
Осиною тонкой как дух затрепещет,
Березой засветит, березой заблещет,
Серебряной ивой заплачет листвою.
Как тополь, как факел пахучий, восстанет,
Как липа июльская ум затуманит,
Шепнет звездоцветно в ночах как сирень.
И яблонью цвет свой рассыплет по саду,
И вишенем ластится к детскому взгляду,
Черемухой нежит душистую тень.

Раскинет резьбу изумрудного клена,
И долгою песней зеленого звона
Чарует дремотную лень.

В вешней роще, вдоль дорожки,
Ходит легкий ветерок.
На березе есть сережки,
На беляне сладкий сок.

На березе белоствольной
Бьются липкие листки.
Над рекой весенней, вольной
Зыбко пляшут огоньки.

Над рекою, в час разлива,
Дух узывчивый бежит.
Ива, ива так красива,
Тонким кружевом дрожит.

Слышен голос ивы гибкой,
Как русалочий напев,
Как протяжность сказки зыбкой,
Как улыбка водных дев: –

Срежь одну из веток стройных,
Освяти мечтой Апрель,
И, как Лель, для беспокойных,
Заиграй, запой в свирель.

Не забудь, что возле Древа
Есть кусты и есть цветки,
В зыбь свирельного напева
Все запутай огоньки,

Все запутай, перепутай,
Наш Славянский цвет воспой,
Будь певучею минутой,
Будь веснянкой голубой.

И все растет зеленый звон,
И сон в душе поет: –
У нас в полях есть нежный лен,
И люб-трава цветет.
У нас есть папорот-цветок,
И перелет-трава.
Небесно-радостный намек,
У нас есть синий василек,
Вся нива им жива.
Есть подорожник, есть дрема,
Есть ландыш, первоцвет.
И нет цветов, где злость и тьма,
И мандрагоры нет.

Нет тяжких кактусов, агав,
Цветов, глядящих как удав,
Кошмаров естества.
Но есть ромашек нежный свет,
И сладких кашек есть расцвет,
И есть плакун-трава.
А наш пленительник долин,
Светящий нежный наш жасмин,
Не это ль красота?
А сну подобные цветы,
Что безымянны как мечты,
И странны как мечта?
А наших лилий водяных.
Какой восторг заменит их?
Не нужно ничего.
И самых пышных орхидей
Я не возьму за сеть стеблей
Близ древа моего.

Не все еще вымолвил голос свирели.
Но лишь не забудем, что круглый нам год,
От ивы к березе, от вишенья к ели,
Зеленое Древо цветет.

И туча протянется, с молнией, с громом,
Как дьявольский омут, как ведьмовский сглаз,
Но Древо есть терем, и этим хоромам
Нет гибели, вечен их час.

Свежительны бури, рожденье в них чуда,
Колодец, криница, ковер-самолет.
И вечно нам, вечно, как сон изумруда,
Славянское Древо цветет.

Печатается по: К. Д. Бальмонт. Гамаюн. Избранные стихи. Стокгольм, «Северные
огни», 1921

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>